

Сяобай нахмурился, осознав замысел своего спутника. Су Цзюгуй явно намеревался нанести упреждающий удар, чтобы перехватить инициативу.

Пока Главный посланник Мо Линь прикрывался охотой на некое «уничтожающее мир зло», Су Цзюгуй без лишних колебаний разгласил весть о воскрешении Лу Юньцзи на всю Поднебесную.

Ему требовалось опередить Цзи Юаньчу, развернуть свои силы до того, как враг сделает следующий ход, и тем самым превратить глухую оборону в стремительное наступление.

Сяобай не мог до конца постичь мотивов этого безумного маневра. Ход был отчаянным, балансирующим на грани провала, но в то же время таил в себе неожиданно мощный потенциал.

Не успел дракон ответить, как пленный призрачный заклинатель разразился глумливым хохотом:

— Ха-ха-ха! Ну и умора! Ты что, решил самолично явиться с повинной? Сам лезешь в петлю!

Стоит вести о спасении Лу Юньцзи разлететься по свету, как поднимется такая буря, что мало никому не покажется.

Когда в Городе между Облаками каждый встречный узнает о его возвращении, сможет ли Су Цзюгуй и дальше преспокойно отсиживаться в усадьбе Вэней, влача свое жалкое существование?

— Думаешь, выкрутишься? — с презрительной усмешкой фыркнул пленник. — Каждую луну Армия Таинственных Символов прочесывает кварталы вдоль и поперек. У тебя хоть есть именной жетон или дорожная грамота?

Великий бессмертный, веками восседавший на заоблачных высях, Су Цзюгуй понятия не имел о земных тяготах и бюрократических тонкостях. Откуда ему было знать, какие бумаги требуются простому смертному для свободного перемещения между городами?

Заметив мимолетное замешательство на лице противника, призрачный заклинатель расплылся в торжествующей ухмылке:

— Вот именно! Когда воины начнут ломиться в каждые ворота, ты со своими пустыми руками и шагу ступить не сможешь. Куда ты побежишь без бумаг?

Почувствовав превосходство, пленник окончательно осмелел. В его голосе зазвучали откровенно угрожающие нотки:

— Мой господин отыщет меня со дня на день. Так что советую тебе по-хорошему развязать мне руки и отпустить на все четыре стороны.

Су Цзюгуй на мгновение задумался, взвешивая слова пленника.

— Пожалуй, в твоих словах есть крупица здравого смысла, — невозмутительно согласился он.

Пленник победно вскинул брови, решив, что бессмертный наконец испугался и готов пойти на попятную. Но Су Цзюгуй лишь сухо захлопнул книгу.

— Что ж, в таком случае мне просто нужно раздобыть эти бумаги, — спокойно подытожил он.

Призрачный заклинатель поперхнулся от возмущения. Дернул же его черт за язык! Зачем он вообще заговорил об этом? Вырыл сам себе яму на ровном месте!

Задний двор уездной управы Города между Облаками

На мощеном плацу ровными шеренгами выстроились два отряда воинов Армии Таинственных Символов. Облаченные в тяжелые багровые доспехи, они стояли неподвижно, словно каменные изваяния. У каждого в руках покоилась увесистая стопка плотной белой бумаги.

Кружащие в поднебесье бумажные вестники походили на стайки полупрозрачных призрачных бабочек. Однако стоило им опуститься на ладонь, как чары рассеивались: крылатые вестники безжизненно разворачивались, превращаясь в самые заурядные бумажные листы.

На каждом из них значилось лишь одно лаконичное послание, повторяющееся из раза в раз: «Лу Юньцзи жив».

Мо Линь прибыл из самой Императорской столицы с единственной тайной целью — изловить мятежного бессмертного. До сих пор он действовал скрытно, не привлекая лишнего внимания обывателей и прикрываясь удобной ложью о поимке некой древней скверны.

После того как Гора Великой Чистоты оказалась наглухо запечатана от внешнего мира, на равнинах осталось немало вольных заклинателей-бродяг. Со временем они даже объединились в крупный независимый союз, назвав его Альянсом Праведных Бессмертных.

Слух о том, что великий Лу Юньцзи избежал окончательной гибели, заставил этих притаившихся мастеров встрепенуться. В их сердцах вновь вспыхнула надежда на былое величие, и они заговорили о возрождении угасающего пути совершенствования.

Кое-где в толпе уже раздавались смелые голоса:

— Если сам Лу Юньцзи сумел пережить сокрушительную небесную кару и вернуться из небытия, значит, у нашего учения еще есть надежда! Истинный путь вечен, и пламя веры не угаснет!

Воззвание «Пламя веры не угаснет» в считанные дни разлетелось по всем уголкам Девяти Земель, пробуждая умы. Каждая чайная, каждый постоянный двор гудели от споров о том, где же скрывается легендарный мастер.

Тайное стало явным. Теперь Мо Линю во что бы то ни стало требовалось разыскать беглеца, пока ситуация окончательно не вышла из-под контроля.

Ищейки из Армии Таинственных Символов рыскали по всем закоулкам. На городских воротах наспех расклеили указы с неточным ликом подозреваемого, суля баснословную награду в тысячу золотых за любую зацепку. Жадные до легкой наживы обыватели с ума сошли от предвкушения богатства, принявшись прочесывать окрестности в поисках Бессмертного почтенного Юньцзи.

Однако поиски быстро превратились в безумие, совсем не такое, какого ожидал Мо Линь. Охваченные паранойей горожане принялись коситься друг на друга с подозрением, выискивая в каждом встречном замаскированного бессмертного.

Иные пройдохи и вовсе во весь голос объявляли себя воскресшим старейшиной, шутовски хвастаясь и бросая вызов демонам, мол, пусть попробуют прийти и взять их.

Буквально за одну ночь Город между Облаками наводнили самозванцы всех мастей. Вместо ценных сведений на столы дознавателей посыпался откровенный мусор, а суровое расследование выродилось в постыдный балаган.

— Гляжу, этот мертвец умудрился обвести тебя вокруг пальца, — лениво протянул Цзи Юаньчу. Закинув ногу на ногу, он вальяжно покачивал в руке спелую виноградную гроздь.

По его беспечному виду можно было подумать, будто происходящее его совершенно не касается. Складывалось впечатление, что этот человек прибыл сюда не ради кровавой охоты, а исключительно ради праздного любопытства.

Мо Линь даже не удостоил собеседника взглядом. Все его внимание было приковано к зажатому в пальцах бумажному вестнику, который безвольно трепетал под его тяжелой хваткой.

Посланник поднес измятый лист к лицу и принюхался. Ни единого намека на запах крови. Судя по всему, Лу Юньцзи отказался от привычного кровавого следа при сотворении чар, задействовав иной связующий элемент, что делало невозможным вычисление его точного местонахождения.

Цзи Юаньчу небрежно выхватил вестника из его рук, окинул его беглым взглядом и уверенно заключил:

— Да, это подлинная тайная техника Горы Великой Чистоты. Сомнений нет, весть отправил сам

Лу Юньцзи.

Искусство создания таких вестников ревностно охранялось и никогда не передавалось чужакам. Будучи послушником Горы Вечной Юности, Цзи Юаньчу этой техникой не владел.

Его орден предпочитал иные пути: адепты Горы Вечной Юности читали заговоры над речной гладью или чашами с водой, и тогда на водной поверхности получателя проступал призрачный лик отправителя, безмолвно вещающий о сокровенном.

— Все-таки техники этих затворников с Горы Великой Чистоты излишне примитивны, — хмыкнул Цзи Юаньчу. — Наше водное зеркало духов позволяет не только услышать голос отправителя, но и воочию созерцать его физиономию.

В прежние годы он не упускал случая подразнить этим Лу Юньцзи, откровенно насмехаясь над их простоватыми чарами. Мол, что за ребячество — пускать по ветру разрисованные обрывки бумаги?

Впрочем, Мо Линю были глубоко безразличны тонкости даосского колдовства.

Оперевшись подбородком на ладонь, Цзи Юаньчу прищурился:

— Хочешь добрую весть? Наш беглец определенно вернулся в человеческом обличье. Ни демонические заклинатели-животные, ни призрачные заклинатели не способны сотворить чистое даосское заклинание. Для их сути оно губительно.

Секреты орденов бессмертных были недоступны для понимания темных созданий: ни демоны, ни выходцы из загробного мира не могли овладеть высокими техниками праведного пути.

На заре времен все твари земные шли одной стезей совершенствования: собирали духовную энергию неба и земли, впитывали эссенцию солнца и луны. Будь то человек, демонический заклинатель-животное или демонический заклинатель — разницы не было.

Однако без тайных знаний этот процесс тянулся невыносимо медленно. Чтобы возвыситься над смертными и обрести истинное могущество, требовались долгие тысячелетия упорного труда.

Вечность пугала жадных до власти существ. Ни люди, ни звери, ни демоны не желали ждать так долго, а потому принялись лихорадочно искать лазейки и обходные пути.

Человеческие мастера воздвигли великие ордены, основав Четыре Священные Обители, под началом которых расцвели тысячи мелких школ.

Каждое учение ревностно оберегало свои манускрипты и тайные приемы. Дабы оградить светлые знания от посягательств темных сил, праведные школы создали техники, абсолютно

несовместимые с искаженной природой демонов и призраков.

Даже если лесной зверь или столетнее дерево на священной горе обретали разум и вставляли на путь совершенствования, пределом их мечтаний оставалась участь послушного питомца при могущественном заклинателе-человеке.

Оказавшись за бортом истинного знания, демоны всех мастей пустились во все тяжкие, выдумывая извращенные, кровавые ритуалы. Одержимые жаждой силы, они не брезговали ничем: вырезали целые селения ради подношения темным небесам, лишь бы за одну ночь совершить прорыв в развитии.

Именно из зависти к недоступному им искусству демоны, едва захватив власть в Поднебесной, немедленно наложили строжайший запрет на изучение даосской магии среди смертных, предав огню бесчисленные древние свитки.

До тех пор пока Священные Обители запечатаны и лишены возможности принимать новых учеников, великое наследие прошлого обречено на медленное увядание. Пройдет век-другой — и спасительные знания канут в небытие.

— Так что советую тебе повнимательнее присмотреться к бродячим монахам и беглым отшельникам, — с ухмылкой подытожил Цзи Юаньчу. — Наверняка среди них отыщется тот, кто втайне продолжает практиковать запретное искусство.

Несколькими небрежными фразами Цзи Юаньчу в прах разбил теорию о том, что их враг мог возродиться в облике темной твари.

Мо Линь не торопился с ответом. Он молча буравил собеседника тяжелым взглядом.

Его левый глаз скрывала темная повязка, а правый, светящийся ядовитым пурпуром, пристально изучал собеседника. Посланник давно усвоил простое правило: верить речам Цзи Юаньчу — себя погубить.

И все же сейчас тот уверял, что Лу Юньцзи вернулся в мир под маской простого даосского монаха.

— Что притих? Все еще не веришь мне?

Цзи Юаньчу небрежно швырнул исписанный лист бумаги на землю, позволив ветру унести его прочь, словно обычный сор. Не обращая внимания на тяжелую ауру посланника, он преспокойно отправил в рот очередную виноградину.

Внезапно тень легла на его лицо. Подняв глаза, даос обнаружил, что Мо Линь сделал шаг вперед, полностью заслонив от него теплое солнце.

Посланник навис над ним грозной скалой. Этот перебежчик оставался для него неразрешимой загадкой, чужаком, чьи помыслы невозможно было предугадать.

В Цзи Юаньчу не было ни капли благородной сдержанности, присущей праведным мужам. Он вечно сутулился, разваливался в кресле, не гнушался хмельного и сочного мяса, а ради собственной выгоды был готов без тени сомнения предать того, кого еще вчера звал близким другом.

— Где твой подручный призрачный заклинатель? — ледяным тоном осведомился Мо Линь.

Ведь еще недавно даос бил себя в грудь, клянясь, что с помощью этого мертвеца без труда отыщет след Лу Юньци.

Цзи Юаньчу спрятал ладони в широкие рукава и с самым беззаботным видом пожал плечами:

— Не вернулся.

— Помогаеть ему скрыться? — прищурился Мо Линь, и в его голосе зазвучала скрытая угроза.

Посланник не без оснований подозревал, что этот хитрый лис намеренно отправил своего слугу, дабы облегчить участь Лу Юньци.

Услышав это обвинение, Цзи Юаньчу на мгновение замер, а затем разразился таким безудержным, искренним хохотом, словно ему только что поведали лучшую шутку в мире.

— Ха-ха-ха-ха! Ну ты даешь! — надрывался он, утирая выступившие слезы. — Скажи на милость, какой мне резон тайно пособничать ему?

— Я давно признан главным отступником праведного пути. Мое имя поливают грязью в каждом уезде, а уличные писаки соревнуются в красноречии, составляя против меня гневные манифесты. В глазах толпы я — чудовище, превосходящее своей порочностью худших из демонов.

Позорно изгнанный с Горы Вечной Юности, обросший черной славой с ног до головы, он стал изгоем. Ни одна из Четырех Обителей никогда больше не примет его в свои стены.

Жестокость этого человека порой пугала даже самого Мо Линя. Посланник иногда невольно задумывался: спит ли этот отступник спокойно по ночам или его все же преследуют призраки прошлого?

Смех даоса внезапно оборвался. Лицо его сделалось холодным и сосредоточенным.

— Сколько раз повторять? Мой мост сожжен. Назад дороги нет.

Сделав свой выбор, он был обречен идти по этой темной тропе до самого конца. Его собственный учитель Цзи Ань, один из Четырех великих грандмастеров Поднебесной, стоявший на пороге вознесения, нашел свою гибель именно от его руки.

Человек, не содрогнувшийся перед убийством собственного наставника и осквернивший родной алтарь, с такой же легкостью мог предать и Лу Юньцзи. Для него чужая преданность не стоила и ломаного гроша.

Однако чем откровеннее были эти признания, тем большее омерзение испытывал к нему Мо Линь.

Брезгливо отступив на шаг, посланник повернулся к своим подчиненным и отрывисто скомандовал:

— Проверьте всех бродячих монахов и отшельников в округе. Ищите любого, кто тайно балуется даосским колдовством.

Пусть он и презирал предателя, но здоровое зерно в его словах все же было. Пришлось временно скорректировать планы согласно этой зацепке.

Цзи Юаньчу лишь сухо ухмыльнулся вслед уходящему отряду. Он прекрасно понимал, что Мо Линь никогда не поверит ему до конца и обязательно подстрахуется, ведя собственную скрытую игру.

Когда Су Цзюгуй засобирався в город во второй раз, его юный спутник Вэнь Ци занервничал пуще прежнего. Юноша едва не заламывал руки от страха, что его новоиспеченного наставника прямо у ворот сцапают бдительные патрули Армии Таинственных Символов.

За последние два дня улицы Города между Облаками заметно оживились. Пущенные по ветру бумажные вестники сослужили хорошую службу: имя Лу Юньцзи теперь не сходило с уст горожан.

Долгое затворничество лишает ясности ума и заводит в тупик, посему следовало чаще бывать среди людей.

К тому же Су Цзюгую требовались свежие слухи. Его память, израненная и неполная, хранила лишь смутные, туманные обрывки воспоминаний о причинах обрушившейся на него некогда небесной кары. Стоило ему приблизиться к толпе у городских ворот, как до его слуха донеслись яростные споры.

— То-то я гляжу, с чего бы этим демонам у нас объявляться, — цедил сквозь зубы дюжий лавочник. — Оказывается, они рыщут в поисках этого мертвеца Лу Юньцзи!

— Неужто он и впрямь уцелел? — удивленно качал головой его собеседник. — Пережить сокрушительный удар небесной кары и вернуться невредимым... Воистину, его могущество граничит с божественным!

— Значит, небеса все-таки справедливы. Добродетель всегда находит награду!

— Добродетель? — презрительно сплюнул первый. — Да какой, к черту, из него праведник? Обыкновенная паршивая овца!

— Как это? — опешил лавочник. — Неужто сам Бессмертный почтенный Юньцзи для тебя не герой?

До того как Поднебесную заполонили демонические орды, именно благодаря старейшинам, нерушимо охранявшим границы Поглощающей Бездны, род людской мог жить в относительном покое. Заклинатели жертвовали мирскими благами и отдавали жизни ради спасения простых смертных.

Любой ребенок сызмальства знал: лишь благодаря защите Четырех Обителей люди еще сохраняли хоть какое-то достоинство. Без них человечество давно бы низвергли в пучину рабства, сделав бесправным скотом на убой, подобно диким полудемонам.

— Сразу видно, что ты слаще репы ничего не ел, — глумливо усмехнулся обличитель. — Неужто до твоих ушей еще не дошли истинные вести?

— Лу Юньцзи приговорили к небесной каре не за красивые глаза! Он пренебрег своим долгом Стража Бездны. В народе вовсю шепчутся, будто он тайно якшался с демонами и умышленно сорвал священные печати с провала. Из-за его предательства древнее зло, томившееся в недрах веками, за одну ночь вырвалось на свободу! Ордену Горы Великой Чистоты пришлось поспешно запечатать свои врата от мира, а из-за его подлости смертью храбрых пали более семисот светлых мужей!

Горожанин аж побагровел от гнева, потрясая кулаком:

— Семьсот преданных душ! Только вдумайся!

— Что?.. — пробормотал лавочник, ошарашенный услышанным. В его голове никак не укладывалось, что прославленный Бессмертный почтенный Юньцзи мог оказаться подлым предателем. — Как же земля носит такое чудовище?..

— Вот тебе и «как так»! — продолжал распаляться горожанин. — Наше великое учение пришло в упадок исключительно по его вине! Он один погубил праведный путь совершенствования!

Не запишись старейшины на Горе Великой Чистоты, разве посмели бы эти проклятые твари творить бесчинства на наших землях?

— Выходит, демоны-то и не ввали вовсе... Они и впрямь явились изловить это порождение бездны, дабы покарать его по заслугам.

— И ты все еще намерен искать его?

— А как же! — рявкнул в ответ обличитель. — За такую-то награду! Неужто ты бы отказался от целой горы золота? Только попадись он мне в руки, я из него всю душу вытрясу, а шкуру на ремни пущу!

Двое спорщиков, яростно переругиваясь, затерялись в рыночной суете. Толпа зевак у стены с указными постепенно поредела. Вэнь Ци застыл на месте, словно громом пораженный. О подобных вещах простой сирота вроде него слышал впервые в жизни.

Юноше и раньше было известно о суровой казни, постигшей великого мастера, однако истинные причины этого приговора всегда оставались за семью печатями. Где уж простому смертному копать в тайнах сильных мира сего?

Но если Лу Юньци действительно собственноручно разрушил печать над Поглощающей Бездной, вся история представляла в совершенно ином, зловещем свете. Бывший заступник человечества, павший с заоблачных высот величия, в один миг превращался в глазах толпы в презренного червя, которого каждый считал своим долгом растоптать.

— Учитель?.. — робко позвал Вэнь Ци, заглядывая в лицо спутнику. Ему до боли хотелось узнать правду, но он никак не мог подобрать правильные слова.

Сяобай презрительно фыркнул, и в его глазах вспыхнул опасный огонек:

— Да что эти ничтожества могут знать? Мелют языками вздор, уподобляясь глупым птицам!

На обычно кротком и детском лице драконьего владыки проступила недетская, пугающая суровость.

Вэнь Ци поспешно кивнул, соглашаясь:

— Вот именно. Обычная праздная брехня глупцов на рынке.

И дело было вовсе не в слепой наивности юноши. Каким-то шестым чувством он верил Су Цзюгую, невзирая на всю ту грязь, что лилась сейчас на его имя на каждом углу.

Сяобай зрил в самый корень. Раньше никто толком не понимал, какая именно трагедия разыгралась в заоблачной выси Горы Великой Чистоты, а теперь эта «правда» вдруг вылилась на улицы ушатом помоев буквально за одну ночь.

Стоило Су Цзюгую запустить бумажных вестников и объявить о своем возвращении, как в ответ

тут же полетели обвинения в предательстве. Слишком поспешным, слишком ядовитым был этот ответный удар. Очевидно, кто-то влиятельный намеренно пытался очернить его имя, заматая собственные следы.

Су Цзюгуй лишь тихо, беззвучно рассмеялся, и в этом смехе не было ни капли веселья.

— Вот оно что... — негромко прошептал он.

"Так вот за какое преступление меня некогда предали мучительной казни..."

<http://bllate.org/book/18298/1755133>